

ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ

А. И. СИДОРОВ

СТАНОВЛЕНИЕ ПЕРВОХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ

ЧАСТЬ III

ПРИЧИНЫ И ИСТОРИЯ ГОНЕНИЙ
НА ХРИСТИАН В I—II ВВ.*

УДК 281.2

Аннотация

Публикация представляет собой третью часть очерка по истории становления первохристианской Церкви на основании свидетельств первоисточников, с привлечением широкого спектра мнений отечественных и зарубежных исследований по истории Древней Церкви. Среди причин гонений на христиан автор усматривает не религиозную, а общественно-правительственную позицию Римского государства I—II веков, которая была следствием приземленного религиозного прагматизма языческого общества, вошедшего в принципиальную несовместимость с христианством как религией духа. На основании свидетельств римских историков Тацита, Евтропия, Светония, Сульпиция Севера, Егезиппа, Лактанция, Диона Кассия, писем к Траяну Плиния Младшего, а также свидетельств церковных писателей Тертуллиана, Евсевия Кесарийского, апологета св. Мелитона Сардийского описываются гонения, происходившие при императорах Нероне, Домициане, Траяне, Адриане, Антонине Пие, Марке Аврелии и Коммодe. Автор приходит к заключению, что, за исключением рескрипта Траяна, в Римской империи I—II веков не существовало общего закона, который регулировал бы отношения государства и Церкви, и инициатива преследований исходила в основном не от императоров, а от языческих масс, побуждавших государственных чиновников принимать меры против христиан.

Ключевые слова: гонения на христиан, Римская империя, исторические свидетельства о древних христианах, святые мученики, апологеты.

* Начало публикации см.: БВ. 2015. № 16—17. Вып. 1—2. С. 98—124; БВ. 2015. № 18—19. Вып. 3—4. С. 168—220.

1. ПРИЧИНЫ ГОНЕНИЙ НА ХРИСТИАН

Первоначально христианство и Римская империя если и соприкасались, то находились как бы в «бесконфликтной сфере» по отношению друг к другу. Казалось бы, «как явление жизни провинциальной, чуждое при том всякого политического оттенка, христианство, с римской точки зрения на религию, могло быть явлением скорее утешительным, чем способным возбудить тревогу в правительстве»¹. Однако данная возможность не реализовалась, а случилось совсем обратное: начиная со второй половины I в. и до эпохи Константина Великого Церковь предстает как *ecclesia pressa*, то есть гонимой и преследуемой. Гонения на христиан не были постоянными: они то затихали, то вновь вспыхивали; прекратившись в одном конце Римской империи, они вдруг вспыхивали в другом². Систематическими их трудно назвать и, на первый взгляд, они предстают очень парадоксальными. Как констатирует А. А. Спасский, «гонения в своем историческом процессе выразились в форме крайне своеобразной и развились при таких условиях, которые на первый взгляд кажутся странными и требуют для себя особого разъяснения. И, прежде всего, довольно загадочную сторону рассматриваемого явления заключает в себе уже одна та энергия, какую нашло себе язычество для борьбы с христианством. По господствующему мнению, появление христианства падает на ту эпоху в истории языческих религий, когда старая наивная вера в богов исчезла, уступив место поверхностному скептицизму или

¹ Лашкарев 1876. С. 26.

² Эту эпоху в бытии древней Церкви Б. М. Мелиоранский описывает так: «И вдруг с конца I-го века дело меняется так, что за всей эпохой от 90 до 313 г. утвердилось название "эпохи гонений" и Церковь этих времен навеки осталась в памяти истории как "Церковь-мученица" — *ecclesia martyr*. Гонения вспыхивали и ослабевали; иногда целые десятилетия давали мучеников лишь случайных, единичных, иногда в один год они гибли сотнями и тысячами, но ни один год христиане как таковые не пользовались по закону полным, явным правом на существование; гонения были хронической болезнью империи, то обострявшейся, то затихавшей, но вполне не прекращавшейся никогда. Сами христиане, не искушенные в тонкостях римского права, горько недоумевали. Они видели, что многие государи были люди умные и благожелательные; видели, что всевозможные боги и культы мирно жили рядом в империи; они не знали за собою никаких вин — и им казалось, что тут какое-то прискорбное недоразумение между ними и властью; они не хотели верить, что их гонят на законных основаниях» (Мелиоранский 1910. С. 50—51).

полному равнодушию в вопросах религии, когда современное первым шагам христианства официальное язычество утратило свою духовную силу и когда поле, засеять которое предстояло провозвестникам новой религии, было, по-видимому, чисто и свободно. Однако потребовалось целых три столетия борьбы, потребовалась масса крови и жертв со стороны христианской для того только, чтобы достигнуть внешнего равновесия со своим противником. Не менее странным представляется и то обстоятельство, что инициатива гонений исходит совсем не отсюда, откуда можно было бы ее ожидать скорее всего. Гонений на христиан требует не жреческое сословие, наиболее заинтересованное в поддержании существующего культа, и вообще не религиозные кружки, каких много было в греко-римской империи и какие совсем не выступают в истории гонений; их требует языческое общество в широком смысле слова, те ближние, в отношении к которым христиане проповедовали любовь, доходящую до самопожертвования. И требования общества исполняются римским правительством, тем, которое справедливо признается самым веротерпимым и в юридическом языке которого не было даже специального термина для обозначения преступления против веры. Вообще, гонения на христиан носят не религиозный, а общественно-правительственный характер, хотя христианство выступало против религии языческой, а не против общества и правительства»³.

Впрочем, рассматривать преследования христиан только в «общественно-правительственной» плоскости вряд ли представляется адекватным. Пожалуй, первой и главной причиной этих преследований можно считать внутреннее духовное отчуждение религии Христовой от различных форм язычества, процветавших в греко-римском мире. С самого своего начала Церковь Христова была, есть и будет Странницей в этом мире: преобразуя его, она не принадлежит ему. И языческий мир интуитивно чувствовал эту преобразующую силу Церкви и активно сопротивлялся ей. Довольно часто говорят о «веротерпимости» римлян, но данный термин, порожденный новым временем, вряд ли применим в данном случае. Историк римской религии весьма точно, на наш взгляд, улавливает одну из характерных черт ее: «Для людей,

³ Спасский 1908. С. 5–6.

не веровавших в существование единого Бога, не могло быть ложных богов. Список, где их было и без того такое множество, был всегда открыт для вновь прибывающих, и никакие сомнения не могли помешать занести туда еще несколько лишних имен. Думали, что каждая страна имеет, по крайней мере, хоть одного бога, покровительствующего ей и заботящегося о ее спасении и о счастье ее жителей. Боги различных народов были не все одинаково могущественны, и степень их важности соразмерялась с важностью поклонявшихся им народов; но все были одинаково истинны. Рим, оказывавший величайшее уважение своим собственным богам, не отрицал могущества чужих»⁴. Такой религиозный приземленный прагматизм не мог принять религию Духа, которой являлось христианство, чувствуя свою принципиальную несовместимость с ней. И он был еще весьма силен, чтобы не дать этой религии бой⁵. Союза между ними, естественно, никакого быть не могло, но и борьба производила весьма странное впечатление: язычество часто использовало силу, а христианство, как правило, убеждение. Столкновение этих двух столь несовместимых величин, казалось, должно обеспечить победу язычества. Однако здесь мы впервые сталкиваемся с той непрекаемой истиной, что не в силе Бог, а в правде.

⁴ Буастье 1878. С. 271.

⁵ Вряд ли следует [рассматривать] язычество в I веке как нечто деградирующее и умирающее. Подобный взгляд, например, прослеживается у В. В. Болотова: «Когда явилось христианство, цивилизованный мир язычества до того уже изверился в своей религии, что нужно удивляться, как мог он отстаивать эту религию целых три века. Язычники в богов своих верили меньше, чем сами христиане, боровшиеся с ними. Для христиан эти боги были, по крайней мере, демонами, тогда как интеллигентный язычник склонен был считать их просто за выдумку. В религии римлян вера не имела такого значения, как в христианстве. Πίστις — не передаваемо на латинский язык; fides — это только подделка под него. Fides означает не веру как верование, но только честность по отношению к Богу. Таким образом, римская религия состояла не в убеждении, а в выражении этого убеждения, в культе. А культ было легко (для выветрившегося индифферентизма) воздать и без веры. Римское язычество было такой противник, которому нельзя было дать генеральной битвы, потому что нельзя было принудить его серьезно обсудить ту глубокую разность, которая отделяла его понятия от христианских» (Болотов 1910. С. 5—6). Последние замечания нашего историка достаточно точны, но вот начало его суждений требует корректировки. Принимать силу язычества в период возрастания Церкви означает умалять ее победу.

Конечно, одной из серьезнейших причин гонений на Церковь являлось то, что в Римской империи религия была делом государственным. Вследствие чего «установившемуся веками взгляду языческой государственной власти касательно своего безусловного господства во всех сферах человеческой деятельности противопоставлен был от христианства взгляд, в силу которого из-под эгиды этой власти отторгалась целая область деятельности человеческой — область религиозной жизни человека. Языческой древности чужды были идеи свободы убеждений в деле религии и совести, свободы избирать роль и образ религиозного поклонения сообразно со своими наклонностями. Языческая идея государства заключала в себе право полновластного распоряжения всей совокупностью жизни граждан... Отсюда религия и все религиозное были подчинены государственному интересу»⁶, поэтому в Риме религия была функцией государства. Величие Рима и его всемирное могущество рассматривались как награда за *pietas* его граждан. Отсюда в римской религии отсутствовало всякое «богословие», эта *religio* в собственном смысле была лишь подчинением воле богов и их силе⁷. Такая теснейшая связь этой религии с государством имела следствием тот факт, что здесь сама государственность «сделалась предметом религиозного почитания»⁸.

Христианство несло в мир иной принцип: «*кесарево кесарю, а Божие Богу*»⁹, и данный принцип не мог не вступать в непримиримое противоречие с принципом римской государственности. В христианстве римская государственная власть столкнулась с такой религией, которая считала своего Бога не просто одним из богов, но Богом единственным, не терпящим рядом с собою никакого другого бога и исключаящим всякое другое поклонение¹⁰. Правда, это провозглашалось и ветхозаветной религией, и возникшим во II—III вв. раввинистическим иудаизмом, но они были теснейшим образом связаны с еврейской национальностью. Хотя в них мы и встречаем явление прозелитизма, но здесь оно не получило широкого распространения. Как говорит наш

⁶ Лебедев 1994. С. 6.

⁷ См.: Wlosok 1970. S. 53–55.

⁸ Болотов 1910. С. 15.

⁹ Мк. 12, 17.

¹⁰ См.: Vaus 1973. S. 150.

церковный историк, «уже иудейская религия своим “безбожием” была антипатична римлянам. Если она была религией “дозволенной”, то лишь потому, что римляне старались беречь и показывать уважение не только к своей, но и к чужой традиции, зная, что всякому дорого свое наследие предков и что “привычка — душа держав”. Поэтому евреи и после 70 и 135 года имели не только право чтить своего Иегову, но и обязанность не почитать никакого государственного римского бога, включая кесаря, взамен чего они должны были (в эпоху от Веспасиана до Нервы) вносить дидрахму Юпитеру Капитолийскому. Но терпя иудейство в его status quo, римляне — как общество, так и правительство — в огромном большинстве сперва смеялись над прозелитами, а потом стали с опасением коситься на них; принимались неоднократные меры к пресечению иудейской пропаганды. Римский гражданин, принимавший иудейство, должен был рассматриваться как отступник на общих основаниях; вольноотпущенники и граждане, рожденные в иудействе, сохраняли свою религию; но уже при Тиберии, потом при Антонине Пии и опять при Септимии Севере обрезать дозволено было только родившихся в иудействе; иною речью, всякая пропаганда иудейства была объявлена преступной»¹¹. Совсем иначе дело обстояло с христианством: его душой и движущим нервом было миссионерство, без которого религия Христова не могла существовать.

Таким образом, римское государство и общество достаточно быстро почувствовало в христианах «чужаков», ибо «христиане не боготворили императоров, не клялись их именами, не уважали храмов, какие воздвигала им лесь языческая. Значит, говорили язычники, они враги императоров, не благоговейны к ним, не чтут их достоинства. Не желая быть в тесных отношениях с язычниками и заботясь более о вечном спасении, нежели о временных выгодах, христиане неохотно принимали на себя государственные должности, прохождение которых, при тогдашних условиях, не всегда совместно было с долгом христианским, нередко оставляли военную службу, удалялись от увеселений, от прежних дурных знакомств, от занятия торговлей и промыслами, прямо или косвенно служившими к поддержанию языческого богослужения, во-

¹¹ Мелиоранский 1910. С. 63–64.

обще вели жизнь скромную и уединенную. По мнению язычников, это значило, что христиане — враги римского народа, сами по себе люди праздные и бездельные, что они человеконенавистники»¹². Все эти причины и привели к гонениям на христиан.

2. НАЧАЛО ГОНЕНИЙ НА ХРИСТИАН. ИСТОРИЯ ГОНЕНИЙ В I—II ВЕКАХ

Довольно часто констатируется тот факт, что римляне первоначально смешивали христиан с иудеями¹³. Вследствие этого порой считается, что антихристианские настроения, быстро распространившиеся в народных массах империи и захватившие образованные слои греко-римского общества, были лишь вариантом антииудейских настроений, которые всегда тлели среди язычников и иногда вспыхивали погромами¹⁴. При определенной верности подобных заключений, следует указать на их определенную ограниченность. Дело, вероятно, обстояло так, но только до правления Нерона. Ибо у римского историка Светония встречается такое замечание, относящееся ко времени правления императора Клавдия (41 — 54 гг.): «Иудеев, постоянно волнуемых Хрестом (так! — *Ред.*), он изгнал из Рима»¹⁵. Скорее всего, мы имеем дело здесь с одним из первых упоминаний о христианах в античных источниках, хотя и чрезвычайно смутным¹⁶. В Деяниях святых апостолов это свидетельство подтверждается, но очень косвенным образом,

¹² Чельцов 1861. С. 122.

¹³ См. суждение: «Христианство существовало уже довольно долго до того времени, как Римская империя обратила на него внимание. Вначале его мало отличали от иудейства. Оно (христианство) возрастало, как выразился Тертуллиан, в тени этой дозволенной религии (*sub umbraculo religionis insignissimae, certe licitae*). Преследования, которым христианство подвергалось со стороны иудейства, почитались вначале римскими государственными людьми за споры между иудейскими сектами различных направлений» (Аллар 1898. С. 8).

¹⁴ См.: Simon 1972. P. 122.

¹⁵ Гай Светоний Транквил. Божественный Клавдий 25, 4 (Гаспаров 1964. С. 140).

¹⁶ Так, И. М. Тронский указывает, что слова *Chrestus, chrestianus* есть передача на народно-разговорную латынь греческих слов *Χριστός, χριστιανός*. Правда, этот светский ученый не решается окончательно соотнести замечание Светония с христианами (см.: Тронский 1972. С. 34—43).

ибо здесь говорится: «Клавдий повелел всем иудеям удалиться из Рима»¹⁷. Причем среди изгнанных Деесписатель называет известных Акиллу и Прискиллу, бывших явно христианами. Сопоставляя оба эти свидетельства, А. А. Спасский приходит к совершенно разумному, на наш взгляд, заключению: «Распоряжение Клавдия, передаваемое Светонием, должно падать на конец его царствования (52 или 53 годы), когда вслед за постановлением Апостольского Собора о необязательности обрядового закона для христиан из язычников, христианство окончательно порвало связи с иудейством и навлекло на себя его ненависть. Весть о постановлении апостолов могла дойти до Рима не ранее 52-го года; при склонности римских иудеев к спорам о новом учении она должна была вызвать сильное возбуждение между христианами из иудеев и самими иудеями и выразиться в шуме и беспорядках около иудейских синагог. И вот ответом на эти беспорядки и явилась мера Клавдия, о которой рассказывает Светоний»¹⁸.

Впрочем, очень скоро римские власти провели четкое различие между иудеями и христианами: случилось это в правление Нерона. Наш главный и практически единственный источник — Тацит — сообщает об этом следующее: в Риме случился страшный пожар (64 г.), по городу поползла молва, что виновником пожара был сам император: «И вот Нерон, чтобы побороть слухи, приискал виноватых и предал изощреннейшим казням тех, кто своими мерзостями навлек на себя всеобщую ненависть и кого толпа называла христианами. Христа, от имени которого происходит это название, казнил при Тиверии прокуратор Понтий Пилат. Подавленное на время это суеверие стало вновь прорываться наружу, и не только в Иудее, откуда пошла эта пагуба, но и в Риме, куда отовсюду стекается все наиболее гнусное и постыдное и где оно находит приверженцев. Итак, сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащим к этой секте, а затем по их указаниям и великое множество прочих, избалованных не столько в злодейском поджоге, сколько в ненависти к роду людскому. Их умерщвление сопровождалось издевательствами, ибо их облачали в шкуры диких

¹⁷ Деян. 18, 2.

¹⁸ Спасский 1908. С. 121–122.

зверей, дабы они были растерзаны насмерть собаками, распинали на крестах или обреченных на смерть в огне поджигали с наступлением темноты ради ночного освещения. Для этого зрелища Нерон предоставил свои сады; тогда же он дал представление в цирке, во время которого сидел среди толпы в одежде возничего или управлял упряжкой, участвуя в состязании колесниц. И хотя на христианах лежала вина и они заслуживали самой суровой кары, все эти жестокости пробуждали сострадание к ним, ибо казалось, что их истребляют не в видах общественной пользы, а вследствие кровожадности одного Нерона»¹⁹.

Данное сообщение, в подлинности которого не сомневается ни один серьезный ученый, примечательно в нескольких аспектах. Во-первых, оно характеризует отношение самого Тацита (а через него — отношение достаточно изысканной и аристократической римской интеллигенции) к христианству. Для него и людей его круга оно есть «суеверие» (*superstitio*), причем суеверие «гнусное и постыдное». Что христиане подлежат наказанию, он, как и подавляющее большинство римлян, не сомневался, ибо их «ненависть к роду человеческому» не подлежала сомнению. Как верно отмечает один исследователь, «для римлян “род человеческий” — *genus humanum* — значил не человечество вообще, а собственно римский мир, людей, которые жили по римским нравам, обычаям и законам; все остальные народы были враги и варвары. Христиане в таком случае были врагами цивилизованного человечества и тех обычаев и законов, по которым жило цивилизованное общество. Они стремились к ослаблению тех связей, которыми держалось общество, вносили разделения в семейства, восстанавливали детей против родителей, и этой цели достигали зловредными средствами, действуя на умы своих приверженцев посредством волшебных чар. Все это они делали с той целью, чтобы совершать свои мерзости (*flagitia*). При возбужденном состоянии народа такое растяжимое обвинение, конечно, и нетрудно доказать»²⁰. Во-вторых, что собственно возмущает Тацита

¹⁹ Корнелий Тацит. *Анналы* 15, 44 (Бобович, Боровский, Сергеенко 1970. С. 298).

²⁰ Павлович 1894с. С. 220–221. Данная работа, как и некоторые другие статьи А. Павловича, на которые мы будем позднее ссылаться, представляет собою собственно

в преследованиях Нерона, так это лишь ненужные жестокости, которые позволил император, а в «общественной пользе» подобных преследований он не сомневался. В-третьих, повествование Тацита создает впечатление, что какая-то юридическая основа этих преследований существовала, иначе трудно объяснить фразу, что «сначала были схвачены те, кто открыто признавал себя принадлежащим к этой секте». Это признает и Тертуллиан, который утверждает, что Нерон был первым, издавшим закон против христиан²¹. Возможно, этой основой было само имя христиан (*nomen christianorum*), то есть признание себя христианином уже давало право властям для возбуждения дела и осуждения «виновных». Еще можно отметить высказываемое предположение о том, что Нерон начал гонения на христиан под влиянием своей супруги Пoppей Сабины, имевшей самые дружественные связи с иудеями. Как бы то ни было, но с 60-х годов I в. после Р.Х. римские власти уже несомненно отличали христиан от иудеев. Историческая достоверность гонений на христиан в правление Нерона также не вызывает никаких сомнений, ибо Светоний, перечисляя ряд важных мероприятий внутренней политики этого императора (ограничение роскоши и т.д.), замечает, что «наказаны христиане, приверженцы нового и зловерного суеверия»²². Позднее, в конце IV — начале V в., это подтверждает и Сульпиций Север в своей «Хронике»²³. Возникает предположение,

переложение и пересказ (правда, порой достаточно самостоятельные) исследований известного английского ученого конца XIX — начала XX в. Рамсея.

²¹ См.: Lebreton, Zeiller 1934. P. 202.

²² Гаспаров 1964. С. 154.

²³ Во многом он повторяет сообщение Тацита и Евсевия, но добавляет и ряд нюансов: «Между тем наряду с увеличением численности христиан случилось так, что Рим был уничтожен пожаром, когда Нерон пребывал в Анции. Но, по мнению многих, ненависть обратилась на принцепса потому, что полагали, будто император ищет славы через обновление города. И что только не предпринимал Нерон, дабы не подумали, что пожар произошел по его приказу. И вот обратил он свою ненависть на христиан и подверг невинных суровейшему дознанию и какие только новые способы умерщвления не изобретал». Далее Север перечисляет виды казней христиан и добавляет: «Так было положено начало гонениям на христиан. После этого специальными законами христианская вера запрещалась и не дозволялось открыто и публично быть христианином» (Сульпиций Север. Хроника 2, 29, 1–3 (Донченко 1999. С. 72).

что гонения при Нероне продолжались год или два²⁴; при них, по церковному Преданию, мученически скончались святые апостолы Петр и Павел. Позднейшие мартирологи причисляют к ним еще 977 других мучеников²⁵.

Второе гонение на христиан приходится на правление Домициана, причем на последние годы его. Этот император оставил после себя недобрую память в истории. Позднейший римский историк IV в. Евтропий пишет о нем так: «Он был подобен скорее Нерону, Калигуле и Тиберию, чем своему отцу или брату. Первоначально в своем правлении был весьма умерен, потом же впал в ужасные пороки: похоть, гнев, жестокость, жадность и такую обрел у всех ненависть, что заслуги отца и брата полностью умалил. Он убивал знатнейших сенаторов, первым среди императоров повелевал называть себя господином и богом»²⁶. В том же духе высказывается и Евсевий: «Домициан был свиреп ко многим людям: казнил в Риме без настоящего суда немало людей видных и знатных; тысячи известных людей, ни в чем не повинных, отправил в изгнание и отобрал их имущество. Под конец он явил себя преемником Нерона в ненависти к Богу и в богоборчестве. Он был вторым поднявшим против нас гонение, хотя отец его Веспасиан не замышлял против нас ничего плохого»²⁷. Далее он добавляет: «В описываемое время научение нашей веры²⁸ настолько просияло, что и писатели, далекие от нашего учения, не замедлили рассказать об этом преследовании и его мучениках. С точностью обозначили они его время: в пятнадцатый год Домициана Флавия Домицилла племянница Флавия Климента, одного из тогдашних римских консулов, за исповедание Христа была вместе

²⁴ Павлович 1894а. С. 227.

²⁵ Frend 1984. P. 109.

²⁶ *Евтропий*. Краткая история от основания Города (Римские историки 1997. С. 50).

²⁷ *Евсевий*. Церковная история 3, 17 (Сергеенко 1993. С. 95). Это произведение Евсевия цитируется по переводу М. Е. Сергеенко. При ссылке на его греческий текст, мы будем давать особое примечание.

²⁸ В русском переводе: «вера наша», но греческий текст: ἡ τῆς ἡμετέρας πίστεως διδασκαλία (см.: *Eusèbe de Cesarée. Histoire ecclésiastique. Livres 1–4 / Ed. G. Bardy. P., 1952 (SC 31). P. 122).*

со многими другими наказана ссылкой на остров Понтию»²⁹. Далее он приводит выдержку из Егезиппа: «Еще оставались из рода Господня внуки Иуды, называемого братом Господним по плоти. На них указали как на потомков Давида. Эвокат привел их к кесарю Домициану: тот боялся, так же как и Ирод, пришествия Христа. Он спросил их, не из рода ли они Давидова; они сказали, что да. Тогда спросил, какое у них состояние и сколько денег у них в распоряжении. Они сказали, что у них, у обоих, имеется только девять тысяч динариев, из которых каждому причитается половина; они у них не в звонкой монете, а вложены в тридцать девять плетров земли (плетр около ¼ га — А. С.). Они вносят с нее подати и живут, обрабатывая ее своими руками. Затем они показали свои загорбелые руки в мозолях, свидетельствовавшие о тяжелом труде и непрестанной работе. На вопрос о Христе и Его Царстве, что это такое, где и когда оно явится, они ответили, что оно не от мира и будет не на земле (*οὐ κοσμικὴ οὐδ' ἐπίγειος*), а на небе с ангелами и явится при свершении века, когда Христос, придя во славе, будет судить живых и мертвых и воздаст каждому за его жизнь. Домициан, не найдя в них вины, презрительно посчитал их глупцами и отпустил на свободу, а гонение на Церковь прекратил указом»³⁰. Евсевий ссылается еще и на Тертуллиана³¹.

Из данного сообщения Евсевия можно сделать сравнительно скромные выводы. Что в последние годы правления Домициана были гонения на христиан — это факт, вряд ли подлежащий сомнению. Его подтверждает не только Лактанций, говорящий, что «подстрекаемый демоном он был возбужден к преследованию праведного народа»³², но и античный историк Дион Кассий. Согласно последнему, «Домициан осудил на смертную казнь, вместе со многими другими, своего двоюродного брата Флавия Климента, который тогда был консулом,

²⁹ Евсевий. Церковная история 3, 18 (Сергеенко 1993. С. 96).

³⁰ Евсевий. Церковная история 3, 20, 1—5 (Сергеенко 1993. С. 96—97).

³¹ В своей «Апологии» тот говорит: «Преследовал нас и Домициан, часть Нерона по жестокости. Но так как в Домициане еще было нечто человеческое, то он скоро прекратил то, что начал, возвративши даже тех, которых отправил в ссылку» (*Тертуллиан. Апология 5* (Щеглов 1910. С. 95)).

³² Лактанций. О смертях преследований 3, 2 (Тюленев 1998. С. 123).

и его жену Флавию Домициллу, свою родственницу. На обоих было возведено обвинение в безбожии. Этим императором были осуждены и многие другие, усвоившие особенные иудейские обычаи: некоторые были преданы смерти, иные наказаны конфискацией имущества. Домицилла же была сослана на остров Пандаторию. Император осудил на смерть также Глабрия, который был консулом: он обвинял его в том же преступлении, в каком и прочих»³³. Учитывая то обстоятельство, что в процессах над христианами часто фигурировало обвинение их в «безбожии», фраза об «особенных иудейских обычаях» может ясно указывать на христиан. Следует еще добавить, что Домициан, отличавшийся страшной подозрительностью, требовал от подданных поклонения себе как богу, а поэтому здесь христианство, вероятно, пришло в столкновение с императорским культом³⁴. Кроме того, Домициан, преследуя богатых аристократов, не только нейтрализовал оппозицию, но и пополнял императорскую казну³⁵. Отсюда понятен и его вопрос к потомкам Господа по плоти относительно их состояния. Напрашивается предположение, что императора в немалой степени прельщала и возможность поживиться за счет христиан. Как бы то ни было, приведенные свидетельства показывают весьма важный факт в истории древней Церкви: ее членами стали уже и римские аристократы, что говорит о большом успехе юной религии Христовой.

Со смертью Домициана прекратилась династия Флавиев, на смену которой пришла династия Антонинов; при ней Римская империя вступила в период своего наивысшего расцвета, вследствие чего II век иногда обозначается как «блестящий век Антонинов». Среди правителей этой династии, несомненно, одной из самых ярких личностей являлся

³³ Цит. по кн.: Аллар 1898. С. 20–21.

³⁴ См.: Vaus 1973. S. 156. Ср. также наблюдение: «Из всех религий, собственно, только христианская решительно противилась принятию императорского культа как противного самой ее сущности, непримиримой с боготворением человека, и так как она уже раньше успела возбудить против себя подозрения правительства, то теперь государство и обрушилось на христиан как на людей, нетерпимых в благоустроенном государстве. Переход Климента и других знатных римлян в эту религию был равнозначущ с изменой их императору, и потому императорская власть беспощадно подвергла их смерти и изгнанию» (Павлович 1894а. С. 237–238).

³⁵ См.: Вегнер 1902. С. 312.

Траян (98 — 117 гг.), о котором один историк говорит: «Траян — самый благородный образ среди римских кесарей. Одаренный гуманностью, чувством чести, отвагой и широким кругозором Юлия Кесаря, он превосходил его чистотой своей частной жизни и законностью своего правления»³⁶. Однако именно в правление этого замечательного императора мы встречаем факты преследований христиан. Об этом свидетельствует переписка Плиния Младшего (племянника известного своей «Естественной историей» Плиния Старшего) с Траяном. Плиний Младший был прославленным в свое время юристом и близким к императорам Нерве и Траяну человеком, которого Траян послал в качестве императорского легата в малоазийскую провинцию Вифинию, разоренную предшествующими нерадивыми и алчными управителями (в этой должности Плиний и скончался в 111 или 113 г.)³⁷. Разгребая здесь «авгиевы конюшни», легат и столкнулся с неизвестным ему в предшествующей юридической практике делом христиан. По этому поводу он обратился к императору. Его послание (№ 96) целесообразно привести почти целиком: «Я никогда не присутствовал на следствиях о христианах, поэтому я не знаю, о чем принято допрашивать и в какой мере наказывать. Немало я и колебался, есть ли тут какое различие по возрасту, или ничем не отличать малолеток от людей взрослых: прощать ли раскаявшихся, или же человеку, который был христианином, отречение не поможет и следует наказывать само имя, даже при отсутствии преступления, или же преступления, связанные с именем. Пока что с теми, на кого донесли как на христиан, я действовал так. Я спрашивал их самих, христиане ли они; сознавшихся спрашивал во второй и третий

³⁶ Там же. С. 353. Римский историк Секст Аврелий Виктор говорит об этом императоре следующее: «Траян был справедлив, милостив долготерпелив, весьма верен друзьям... Он так доверял искренности людей, что, вручая, по обычаю, префекту претория по имени Субуран знак его власти — кинжал, неоднократно ему напоминал: “Даю тебе это оружие для охраны меня, если я буду действовать правильно, если же нет, то против меня”. Ведь тому, кто управляет другими, нельзя допускать в себе даже малейшей ошибки. Мало того, своей выдержкой он смягчал свойственное ему пристрастие к вину, которым страдал также и Нерва: он не разрешал исполнять приказы, данные после долго затянувшихся пиров» (Секст Аврелий Виктор. О цезарях (Римские историки 1997. С. 90)).

³⁷ См.: Сергеевко 1982. С. 274–282.

раз, угрожая наказанием; упорствующих отправлял на казнь. Я не сомневался, что в чем бы они ни признались, но их следовало наказать за непреклонную закоснелость и упрямство. Были и такие безумцы, которых я, как римских граждан, назначил к отправке в Рим.

Затем, пока шло разбирательство, как это обычно бывает, преступников стало набираться все больше и больше, и обнаружились случаи разнообразные. Мне был предложен список, составленный неизвестным и содержащий много имен. Тех, кто отрицал, что они христиане или были ими, я решил отпустить, когда они, вслед за мной, призвали богов, совершили перед изображением твоим, которое я с этой целью велел принести вместе со статуями богов, жертву ладаном и вином, а кроме того, похулили Христа: настоящих христиан, говорят, нельзя принудить ни к одному из этих поступков. Другие названные доносчиком сказали, что они христиане, а затем отреклись: некоторые были, но отпали, одни три года назад, другие много тому лет, некоторые лет тому двадцать. Все они почтили и твое изображение, и статуи богов и похулили Христа. Они утверждали, что вся их вина или заблуждение состояла в том, что они в установленный день собирались до рассвета, воспевали, чередуясь, Христа как Бога и клятвенно обязывались не преступления совершать, а воздерживаться от воровства, грабежа, прелюбодеяния, нарушения слова, отказа выдать доверенное. После этого они обычно расходились и сходились опять для принятия пищи, обычной и невинной, но что и это они перестали делать после моего указа, которым я, по твоему распоряжению, запретил тайные общества. Тем более счел я необходимым под пыткой допросить двух рабынь, называвшихся служительницами (диакониссами), что здесь было правдой, и не обнаружил ничего, кроме безмерного уродливого суеверия.

Поэтому, отложив расследование, я прибегаю к твоему совету. Дело, по-моему, заслуживает обсуждения, особенно вследствие находящихся в опасности множества людей всякого возраста, всякого звания и обоих полов, которых зовут и будут звать на гибель. Зараза этого суеверия прошла не только по городам, но и по деревням и поместьям, но, кажется, ее можно остановить и помочь делу. Достоверно установлено, что храмы, почти покинутые, опять начали посещать; обычные службы, давно прекращенные, восстановлены, и всюду продается мясо

жертвенных животных, на которое до сих пор едва-едва находился покупатель. Из этого легко заключить, какую толпу людей можно исправить, если позволить им раскаяться»³⁸.

Таково это письмо Плиния, примечательное во многих отношениях. Не стремясь осветить все аспекты послания, можно остановиться только на наиболее существенных. Прежде всего, из послания можно заключить, что Церковь Христова пустила уже глубокие корни в Вифинии, захватив, вероятно, самые различные слои общества (упоминание о рабнях, а также о римских гражданах) и возрастные границы. Соответственно, языческие культы стали приходить в упадок и напрашивается предположение, что в основе преследований христиан в провинции лежит недовольство, протест, а возможно, и мятеж тех, которые обсуживали эти культы (жрецы, ремесленники и т.д.). Плиний говорит о некоем списке христиан, предложенном ему: скорее всего, данный список носил характер анонимного доноса (быть может, коллективного). Далее, говоря о своем незнании деталей процедуры процессов над христианами, Плиний тем не менее проводил их. Поэтому весьма разумным предположением является то, что он «действовал согласно с существующей уже процедурой, которая образовалась на основании практики и обычая. Целый ряд правителей и императоров, держась того общего воззрения, что христианство вредно для закона и порядка, и действуя в одних и тех же общих видах — охранить закон и порядок, выработали, со свойственной вообще римлянам юридической конструктивностью, общую процедуру, которая и имела всю силу юридического прецедента»³⁹. Вполне допустимой гипотезой является та, что основой такого юридического прецедента были постановле-

³⁸ Там же. С. 205–206.

³⁹ Павлович 1894с. С. 34. Ср. суждение: «Плинию в течение его адвокатской и служебной деятельности не приходилось до сих пор никогда присутствовать на процессах по делу христианской религии, так как они, вероятно, не попадали к обыкновенным судьям, а разрешались императором или его непосредственными представителями. Ему не было известно, обнаруживали ли направленные против христиан дела — в Риме или других областях — какие-либо наказуемые действия. Он знает только вообще, что христианство было запрещено и что, следовательно, его приверженцев надо наказывать» (Аллар 1898. С. 32).

ния Нерона, о которых речь шла выше. Наконец, можно указать, что А. А. Спасский обращает внимание на вопрос Плиния: следует ли казнить христиан за самое имя или за преступления, связанные с именем? На сей счет наш церковный историк рассуждает следующим образом: «Для уразумения этого вопроса весьма важно обратить внимание на употребленный здесь Плинием термин *flagitia*. *Flagitium* — в отличие от *scipen*, нарушения формального закона, — обозначает преступление морального характера, преступление против нравственности. Какие *flagitia* подозревает Плиний у христиан, это и само по себе понятно и с очевидностью следует из слов самого Плиния. Это те ходячие обвинения народной молвы, в которых христианам приписывается кровосмешения и ядение человеческого мяса. Излагая результаты своего следствия, Плиний дает видеть императору, что эти обвинения не имеют оснований... Следствие Плиния оправдало христиан от обвинения в безнравственных преступлениях, и сам он на своем процессе не придал значения этим обвинениям; исполнивших его требование христиан он отпускал, тогда как за *flagitia* — то есть за кровосмешение и ядение человеческого мяса — он должен был наказывать, отрекся ли виновный в них от христианства или нет. Значит, на поставленный им вопрос, что подлежит наказанию в христианстве: самое имя или преступления, связанные с именем, Плиний сам дает ясный ответ: христиан должно наказывать за самое имя, так как преступлений, *flagitia*, в христианстве нет. Иначе говоря, самое христианство уже есть вина — не *flagitium*, а *scipen* — противление законам, требующее наказания. В чем именно сказывалось противление христиан законам, видно как из приемов следствия Плиния, так и из той цели, какой он хотел достигнуть. Чтобы установить христианство виновным, Плиний прибегает к трем средствам: он требовал признания богов, возлияния или курения фимиамом пред статуей Траяна и хулы на Христа. Кто подчинялся этим требованиям, того он отпускал, не усвоив ему имени христианина, то есть не вменяя никакого *scipen*; упорных же после второго и третьего увещания приказывал отводить на казнь... Христианством же как учением, как внутренним убеждением он не интересовался. В своем ответе Траяну он нигде не упоминает о том, в чем состоит христианское суеверие. Он не признает за ним никакой важности, так как, по его словам,

в чем бы оно ни состояло, одного упорства христиан достаточно, чтобы подвергнуть их казни»⁴⁰. Примечательно, еще одно свидетельство о стойкости христиан: Плиний упоминает, что настоящих христиан ничем нельзя принудить к отречению от Господа.

Ответ Траяна также весьма примечателен: «Ты поступил вполне правильно, мой Секунд, произведя следствие о тех, на кого тебе донесли как на христиан. Установить здесь какое-нибудь общее правило невозможно. Выискивать их незачем: если на них поступит донос и они будут изобличены, их следует наказывать, но тех, кто отречется, что они христиане, и докажет это на деле, то есть помолится нашим богам, следует за раскаяние помиловать, хотя бы в прошлом они и были под подозрением. Безумный донос о любом преступлении не должно принимать во внимание. Это было бы дурным примером и не соответствует духу нашего времени». Данный рескрипт Траяна получил неоднозначную оценку у историков Церкви, ибо не совсем ясно, имел ли он силу всеобщего закона или был частным распоряжением, касающимся конкретного места и времени. Скорее всего, ближе к истине первое предположение, поскольку «в сложном вопросе о наказуемости христианства он стал руководящей нормой, с которой долгое время сообразовалась римская администрация в своем поведении относительно христиан. Но такого влияния на дела империи он достиг постепенно и значительно позже времени своего появления, быть может, даже по смерти самого Траяна»⁴¹.

Конечно, в рескрипте наблюдается несомненная двойственность; ее подметил Тертуллиан, который на сей счет восклицает: «О решение, по необходимости смешанное! Он утверждает, что людей этих не должно отыскивать как невинных, а вместе с тем повелевает наказывать их как виновных. Он щадит и свирепствует, он скрывает и открывает»⁴². Иногда считается, что эта двойственность была не на пользу христианам⁴³.

⁴⁰ Спасский 1908. С. 170–171.

⁴¹ Там же. С. 173–174.

⁴² Тертуллиан. Апология 2 (Щеглов 1910. С. 86).

⁴³ См. оценку А. П. Лебедева: «Закон Траяна, с первого взгляда кажется будто мироволит к христианам, в сущности же он был чрезвычайно жесток. Закон дает прямой ответ на вопрос: есть ли христианство само по себе преступление? И ответ дается

Другая крайность — излишне оптимистическая оценка указа⁴⁴. Несомненно, позитивные моменты в рескрипте Траяна имелись, и не случайно Евсевий Кесарийский результаты его характеризует следующим образом: «Гроза страшного гонения, висевшего над нами, до некоторой степени рассеялась, но для людей, желавших навредить нам, возможностей оставалось ничуть не меньше; в одном месте злое дело замышляла чернь, в другом — его готовили местные власти; явных гонений не было; возникали частичные по провинциям, и многие верующие в борьбе за веру были по-разному замучены»⁴⁵. Это свидетельство «отца церковной истории» весьма важно и показательно, ибо из него с очевидностью вытекает, что в какой-то мере указ Траяна ограничивал преследования христиан, но, с другой стороны, вводя эти преследования в определенные юридические рамки, он тем самым узаконивал их⁴⁶. В целом же, Траяновский эдикт порой считается центральным фактом в истории за-

твердительный. «Доказанный христианин подлежит казни» по этому указу. После этого уже не могло быть приговора над новой религией более определенно сформулированного. Указ по смыслу своему объявлял христианство религией запрещенной — *religio illicita* — и тем давал легальную санкцию гонениям» (Лебедев 1994. С. 44–45).

⁴⁴ См. мнение Рамсея, передаваемое А. Павловичем: «В ответе Траяна провозглашалась более мягкая политика по отношению к христианам, и приятно думать, что автор его, жизнь которого дает наилучшее понятие о характере римского джентльмена во времена империи, в последнем месяце своей жизни был именно виновником происшедшей перемены в этой политике и первого шага, который был сделан в направлении сближения между империей и Церковью» (Павлович 1894с. С. 38).

⁴⁵ *Евсевий*. Церковная история 3, 33, 2 (Сергеенко 1993. С. 111–112).

⁴⁶ См. рассуждение В. В. Болотова: «Рескрипт Траяна имеет, таким образом, две стороны. Одной стороной он ограничивал преследования христиан. Ответ императора состоял в признании, что общей формы в суде над христианами быть не может, что процесс против христиан в общем должен быть *coercitio*, т.е. процессом, сообразующимся с обстоятельствами. Но Траян в то же время ограничивал применение *coercitio* тем, что запретил принимать безыменные доносы и разыскивать христиан. Этим ограничивалась инициатива президов... Но в главном рескрипт был против христиан: он устанавливал гонение на них. Христиане подлежали преследованию уже за «самое имя», *popem ipsam*, т.е. за одну принадлежность к христианскому обществу. Это было авторитетное и категорическое разъяснение, что христианская Церковь есть *collegium illicitum*. Благоприятное для христиан колебание президов по этому пункту было с этого времени невозможно. Обвиняемым за христианство предстоял выбор между отречением от своей веры — форму отречения, жертвоприношение богам, узаконил император — и смертью. Формула процесса против христиан сокращалась: не нужно

конодательства, касающегося христиан; в некотором роде он послужил «каноном» для всех последующих мер в отношении римских властей к Церкви⁴⁷.

При преемниках Траяна положение христиан существенно не изменилось. Его наследником в государственном правлении стал Адриан (117–138 гг.), усыновленный Траяном, который, по выражению древнего биографа, «достигнув власти, немедленно стал следовать древнему образу действия и направил все усилия к тому, чтобы установить мир по всему кругу земель»⁴⁸. Будучи весьма энергичным правителем, этот император объездил весь круг подвластных Риму областей, испытывая особую любовь к Греции⁴⁹. Что же касается его отношения к христианам, то на сей счет Евсевий⁵⁰, ссылаясь на св. Иустина, приводит один рескрипт Адриана, адресованный проконсулу Азии, который гласит: «Минуцию Фундану. Я получил письмо от Серенния Гранниана, человека известного, твоего предшественника. Мне кажется, что дело это нельзя оставить без рассмотрения; нельзя, чтобы люди жили, не зная покоя, а на доносчиков была возложена обязанность вредить и злодействовать. Если жители провинции могут подтвердить свое обвинение против христиан и отвечать перед судом, то пусть этим путем и действуют, но не требованиями и воплями. Весьма приличествует в случае обвинения произвести тебе расследование. Если кто может доказать свое обвинение, а именно что они поступают противозаконно, тогда в соответствии с преступлением установи и наказание. Но клянусь Гераклом! Если кто сделал из доносов занятие, положи предел этому безобразию и сообрази, как наказывать за это»⁵¹. Подлинность этого ре-

было доказывать, что они *sacrilegi, impii* и т.п., достаточно было их признания, что они христиане» (Болотов 2001. С. 76–78).

⁴⁷ См.: Barnes 1984. P. 48.

⁴⁸ Властелины Рима 2001. С. 8.

⁴⁹ Ср. его характеристику: «Превосходный воин и разумный администратор, Адриан вместе с тем был тонким интеллектуалом. С детства он настолько хорошо знал и любил греческую культуру, что в шутку его прозвали *грекком*» (Федорова 1979. С. 141).

⁵⁰ *Евсевий*. Церковная история 4, 9 (Сергеенко 1993. С. 128).

⁵¹ У св. Иустина текст этот в латинском оригинале более пространен: «Адриан Минуцию Фундану. Получил я письмо, писанное ко мне предместником твоим,

скрипта, вышедшего, вероятно, в 124 году, подвергалась в новое время иногда сомнению, но подобные сомнения зиждились на весьма хрупких основаниях⁵². Принципиально нового в отношении государственной власти к Церкви, по сравнению с эдиктом Траяна, этот документ ничего не вносил. Единственное, что можно констатировать: рескрипт еще более строго ограничивал *vox populi*, то есть крики и бунт языческой толпы, а также деятельность доносчиков. Поэтому в силу обоих эдиктов, Траяна и Адриана, «христиане обеспечивались от осуждения на основании неопределенных криков толпы или безыменных доносчиков, так как для этого теперь требовалось определенное лицо, которое взяло на себя незавидную роль обвинителя (что дотоле было равносильно роли убийцы) в отношении определенного же лица»⁵³. И тем не менее доносчики находились: во всяком случае, сохранились сведения о преследованиях христиан в Италии. Во время них, возможно, погибли папы Телесфор⁵⁴ и Александр с несколькими христианами (среди них мученик Гетулий с женой и семьей чадами)⁵⁵.

Еще более добрую славу, чем Адриан, стяжал в истории Римской империи Антонин Пий (138—161 гг.). Как пишет Юлий Капитолин, этот властитель державы «выделялся своей наружностью, славился

знаменитейшим Серением Гранианом; и не желаю оставлять без исследования дело, о котором мне донесено, чтобы и невинные не были в беспокойстве, и клеветникам не было повода заниматься гнусным ремеслом. Итак, если наши подданные в провинциях твердо могут поддержать свое требование против христиан, так что и перед судом могут доказать, то не запрещаю им делать это; только не позволяю им прибегать к громким требованиям и крикам. Гораздо справедливее, чтобы если кто захочет донести, ты сделал дознание о деле. И тогда если кто донесет и докажет, что вышеупомянутые люди делают что-нибудь против законов, то ты определяй наказание сообразно с преступлениями. Особенно постарайся, ради Геркулеса, о том, чтобы если кто по клевете потребует к обвинению кого-либо из христиан, тебе поступать с таким человеком наистрожайшим образом, соразмерно с гнусным злодеянием его» (*Иустин Философ и Мученик*. Апология 1. 69 (Преображенский П., прот. 1995. С. 100—101)).

⁵² См. на сей счет: Lebreton, Zeiller 1934. P. 309.

⁵³ Павлович 1894b. С. 390.

⁵⁴ Правда, Евсевий (Церковная история 4, 10 (Сергеенко 1993. С. 128)) относит его мученичество к первому году правления Антонина Пия, но, вероятно, арестован он был еще при Адриане.

⁵⁵ Lebreton, Zeiller 1934. P. 309—310.

своими добрыми нравами, отличался благородным милосердием, имел спокойное выражение лица, обладал необыкновенными дарованиями, блестящим красноречием, превосходно знал литературу, был трезв, прилежно занимался возделыванием полей, был мягким, щедрым, не посягал на чужое, при всем этом у него было большое чувство меры и отсутствие всякого тщеславия»⁵⁶. При таком правителе христиане, казалось бы, должны были наслаждаться полным миром и покоем. И Сульпиций Север на сей счет кратко замечает: «После Адриана, в правление Антонина Пия, Церкви был дан мир»⁵⁷. И не случайно Евсевий Кесарийский⁵⁸ передает некий рескрипт этого императора, адресованный некоему «азиатскому собранию» (τὸ κοινὸν τῆς Ἀσίας διατάξεως) и явно неподлинный⁵⁹. Но хотя это и апокриф, вышедший скорее всего из-под пера христианина, но тем не менее он очень древний и показывает глубокую пропасть, отделявшую языческую религию (во всех ее многообразных формах) от христианства. Однако у того же Евсевия сохранился один фрагмент «Апологии» св. Мелитона Сардийского, где этот апологет II века, обращаясь к Марку Аврелию, пишет: «Твой отец, когда ты уже был его соправителем, писал в города, чтобы не

⁵⁶ Властелины Рима 2001. С. 26. Не менее лестна и оценка историка нового времени: «Так правил Антонин, как истый отец своего народа; неприязательный, счастливый старик, он отдыхал от правительственных забот за охотой и рыбной ловлей или за мимическими представлениями, но охотнее всего в непринужденном, светлом обществе друзей, с которыми он охотно беседовал, гулял, пировал, а порой по сельскому обычаю праздновал сбор винограда. Он умер уже в престарелом возрасте, любимый и уважаемый, как никто другой из императоров; одни лишь его руки, как говорили, не были огагрены кровью граждан» (Вегнер 1902. С. 368).

⁵⁷ Сульпиций Север. Хроника 2, 32, 1 (Донченко 1999. С. 84).

⁵⁸ Евсевий. Церковная история 4, 13, 1–7 (Сергеенко 1993. С. 132).

⁵⁹ См. на сей счет примечание: *Eusèbe de Césarée. Histoire ecclésiastique*. P. 177. Здесь, в частности, говорится: «Тех, кому вы не даете покоя, вы только укрепляете в вере, хотя обвиняете в безбожии. Допустим, что при обвинении у них есть свободный выбор: они предпочтут умереть за своего Бога. Потому они и одерживают победу, готовые скорее отдать душу, чем сделать то, что вы от них требуете. Что же касается землетрясений, бывших и нынешних, то уместно вам напомнить, что при таких бедствиях вы всякий раз падаете духом: сравните поведение их и свое. Они полны надеждой на Бога, а вы за все время о богах и не думаете, и не служите Бессмертному; христиан же, которые Ему служат, гоните и преследуете до смерти».

было по отношению к нам никаких новшеств: лариссейцам, фессалонийцам, афинянам и всем грекам»⁶⁰. Это свидетельство привлекает уже более серьезное внимание и, судя по всему, отражает некие исторические реалии. Довольно корректно, на наш взгляд, разъяснил эти реалии А. А. Спасский, который акцентировал фразу о «новшествах», принимаемых в отношении христиан (в греческом тексте: *περὶ τοῦ μηδὲν νεωτερίζειν περὶ ἡμῶν*). В латинском языке эта фраза должна звучать как «*novae res facere*» и, согласно нашему историку, данное выражение многое проясняет. «Очевидно, — как полагает А. Спасский, — в эпоху Антонина борьба с христианством в восточных провинциях приняла течение, уклоняющееся от форм судопроизводства над христианами, узаконенных рескриптом Адриана; языческая толпа опять начала волноваться и шумно требовать от правителей казни христиан. Существовали достаточные поводы к таким волнениям. Правление Антонина для многих областей империи было временем разного рода общественных бедствий, которые вносили диссонанс в общую мирную гармонию царствования этого императора. По свидетельству Спартиата, в эпоху Антонина империя переносила “голод, язву, землетрясения, было даже разлитие Тибра”; по словам Капитолина, эти бедствия наиболее случались именно в восточных провинциях»⁶¹.

В определенной степени подтверждением этого служит и «Мученичество св. Поликарпа Смирнского». Правда, здесь нет полной уверенности относительно точной даты мученической кончины этого великого мужа, ибо традиционная дата 155/156 г. иногда предпочитается более поздней — правлению императора Марка Аврелия (161—169 гг.; более конкретно говорится о 166 или 167 г.)⁶²; однако речь может идти скорее о первой дате⁶³. Здесь описывается «мученичество, согласное с Евангелием» малоазийских христиан⁶⁴, которые вели себя с мужеством, пора-

⁶⁰ Евсевий. Церковная история 4, 26, 10 (Сергеенко 1993. С. 154).

⁶¹ Спасский 1908. С. 194.

⁶² См.: *Ignace d'Antioche*. Polycarpe de Smyrne. Lettres. Martyre de Polycarpe / Ed. P. Th. Camelot. P., 1969 (SC 10). P. 199—200.

⁶³ См. предисловие к русскому переводу «Мученичества»: Писания мужей апостольских. М., 2003. С. 397—398.

⁶⁴ См. перевод: Там же. С. 413—426.

жавшим даже их мучителей (хотя было и исключение: некий фригиец, по имени Квинт, увидев зверей, испугался и согласился принести жертву идолам). Инициатива в преследованиях исходила от языческой массы; венцом этих преследований было свидетельство об Истине Смирнского епископа весьма преклонных лет. Ибо «вся толпа, удивляясь мужеству боголюбивого и благочестивого рода христианского, возопила: “Смерть безбожникам! Разыскать Поликарпа!”». Когда его разыскали, тогда повели на стадион, где безумствовала эта толпа, и проконсул пытался уговорить священномученика отречься от Господа и похулить Его, на что получил достойный ответ: «Уже восемьдесят шесть лет я служу Ему, и Он ничем не обидел меня: как же могу хулить Царя моего, Спасшего меня?» Примечательна позиция проконсула, пытавшегося тем не менее спасти старца, ибо он на слова старца: «Если же ты хочешь узнать учение христианское, назначь день и послушай», сказал: «Убеди народ!». В ответ проконсул услышал: «Если тебя и удостоил я ответа, ибо нас учили начальникам и властям, поставленным от Бога, воздавать приличную и безвредную для нас честь, то их я считаю недостойными того, чтобы защищаться пред ними». Аналогия с судом Понтия Пилата напрашивается сама собою. И когда проконсул, предприняв ряд попыток уговорить Поликарпа, убедился в его непреклонности, он «послал своего глашатая трижды провозгласить посреди поприща: “Поликарп признал себя христианином”». После этих слов «вся толпа язычников и иудеев, живущих в Смирне, в безудержной ярости начала громко кричать: “Это учитель Азии, отец христиан, он ниспровергает наших богов и многих учит не приносить [им] жертвы и не чтить [их]”». После того, как решено было предать старца сожжению, «толпы людей немедленно бросились собирать дрова и хворост из мастерских и терм, в чем с особенною ревностью помогали иудеи, по своему обыкновению».

Это свидетельство одного из древнейших мученических актов, практически современных описываемым событиям, ясно указывает на то, что гонения шли как бы «снизу», а государственная власть в лице проконсула занимала в них позицию достаточно пассивную, лишь реагируя на бурное возмущение толпы. Кроме того, примечателен и союз язычников с иудеями: их внутренние противоречия отступали на задний план пред лицом общей «опасности», исходящей, по их мнению,

со стороны христиан. Поэтому в правление Антонина Пия, при общей благоприятной атмосфере отношения государственной власти к христианам, формальные обвинения против отдельных христиан продолжали быть действительными и список мучеников увеличивался⁶⁵.

Однако куда более серьезные испытания ожидали Церковь в правление Марка Аврелия (161–180 гг.). Несомненно, он был одним из самых ярких представителей династии Антонинов, а потому «шел по тому широкому пути правового и морального оздоровления империи, на котором он имел предшественников, подобных Траяну, Адриану и Антонину: им завершился тот поистине золотой век Римской империи, когда ее представители совмещали со старыми, унаследованными от республики устоями новую универсальную культуру, символически выражавшуюся в словах *рах гомана*»⁶⁶. Представляя собой уникальную личность «философа на троне», Марк Аврелий занимал достаточно почетное место в истории античной философии, поскольку принадлежал к течению позднего стоицизма, занимавшегося преимущественно нравственными проблемами⁶⁷. Увлечение философией принесло ему не

⁶⁵ См.: Frend 1965. P. 239. Правда, вряд ли можно считать, как думает В. Френд (р. 261), что известная фраза из сочинения «К Диогнету» относится к этому правлению. Здесь говорится: христиане «всех любят и всеми бывают преследуемы» (*A Diognète* / Ed. H. I. Marrou. P., 1965 (SC 33). P. 64). Но эта фраза, при общей своей верности, столь расплывчата, что находить здесь конкретные хронологические указания вряд ли целесообразно.

⁶⁶ Котляревский 1914. С. IX.

⁶⁷ Ср. его характеристику: «Император-стоик Марк Аврелий оставил нам двенадцать книг о своем самопознании, написанных на греческом и озаглавленных “К самому себе”, самую волнующую запись о чувствительном, глубоком, скрупулезном, порой сознательно слишком возвышенном, но весьма восхитительном человеке. Его мысль основывается в большей степени на Эпиктете, но сам он в большей мере эклектик и, в частности, многое берет у Платона, которым восхищались и которого читали поздние римские стоики. Однако он не разделяет уверенного платоновского положения о бессмертии, а следует стоической традиции, которая рассматривала жизнь души после смерти в лучшем случае как сомнительную... И хотя Марк Аврелий является самым лояльным и человеколюбивым по отношению к своей семье, друзьям и учителям, он, однако, также чувствует мимолетность всех вещей, которыми человек себя обременяет; с другой стороны, у него нет совершенно ничего позитивного. Он является человеком слишком уставшим от жизни. Одно из его последних высказываний о себе: “Ты лишь маленькая душа, копошащаяся возле трупa”» (Армстронг 2003. С. 162).

меньшую славу, чем его способности администратора и полководца. И не случайно один древний историк сообщает такую характерную деталь: «Марк обладал такой мудростью, мягкостью, честностью и так был предан науке, что когда он собирался с сыном своим Комодом, которого сделал цезарем, в поход против маркоманов, все ученые стали его убеждать, чтобы он не делал этого и не вступал в сражение, пока не изложит все возвышенные тайны, [раскрытые им] в философии»⁶⁸. Тем не менее этот утонченный аристократ и мыслитель относился к христианам с презрительным снобизмом. В своих «Размышлениях» он один раз касается христиан и его высказывание весьма показательное: «Душе, готовой ко всему, не трудно будет, если понадобится, расстаться с телом, все равно, ждет ли ее угашение, рассеяние или новая жизнь. Но эта готовность должна корениться в собственном суждении, проявляя себя не слепым упорством, как у христиан, а рассудительностью, серьезностью и отсутствием рисовки: тогда она убедительна и для других»⁶⁹. Таким образом, для императора-философа христиане — не более чем поэры дурного толка и вообще люди, не заслуживающие никакого уважения и весьма подозрительные⁷⁰.

Поэтому совсем не случайно именно при этом императоре христиан настигло новое гонение. Предполагается иногда, что именно он решил предать мученической смерти св. Иустина Философа и Муче-

⁶⁸ *Секст Аврелий Виктор*. О цезарях (Римские историки 1997. С. 93).

⁶⁹ *Марк Аврелий*. Размышления 11, 3 (Роговин 1994. С. 235).

⁷⁰ См. на сей счет рассуждение С. Котляревского: «Марк Аврелий никогда не был другом христиан. Единственное место в его “Размышлениях”, где упоминается о христианах, показывает, что он оставался холодным перед их готовностью принять мучение и смерть за свое исповедание; в этой готовности он усматривал даже нечто суетное и театральное (XI, 3)... Именно христианам он ставит в вину фанатизм, тем более предосудительный, что он соединен с тщеславием и страстью к эффектам. Он не понимает христианских мучеников, но их не понимал и Эпиктет; и для него здесь был лишь ожесточенный фанатизм (*Arrianus. Epicteti Dissertatio* 4, 7, 6). В глазах императора христиане — люди суеверные, без умственной любознательности и нравственного достоинства: они к тому же для поверхностного взгляда даже в конце II века могли казаться разновидностью иудаизма, а к евреям, по свидетельству Аммиана Марцеллина, император относился с брезгливой враждебностью. Можно сказать, что вообще в наплыве и распространениях восточных культов Марк Аврелий, совершенно непохожий здесь на Аврелиана, видел моральную опасность и вред» (Котляревский 1914. С. XXIX, XXXI).

ника (ок. 165 г.), но наиболее серьезные испытания ожидали Церковь Христову позднее — к концу правления Марка Аврелия⁷¹. О них свидетельствует св. Мелитон Сардийский, отрывки «Апологии» которого цитирует Евсевий в «Церковной истории». Этот апологет пишет: «Такого никогда не бывало: сейчас в Азии по новым эдиктам гонят и преследуют людей благочестивых. Бесстыдные доносчики и любители чужого, исходя из этих распоряжений, открыто разбойничают, ночью и днем грабя людей, ни в чем не повинных»⁷². Далее св. Мелитон обращается к Марку Аврелию: «Если это делается по твоему приказу — хорошо, пусть так и будет! Справедливый царь никогда не постановит решения несправедливого, и мы с радостью примем эту смерть как некую почесть. У нас только одна просьба: познакомиться сначала с теми, кто вызвал такую ненависть, и решить по справедливости, заслуживают ли они смерти и наказания или жизни и спокойствия; если же не от тебя идет это распоряжение и новый эдикт (издавать его не пристало бы даже против врагов-варваров), то мы тем более просим тебя: не оставь нас на этот открытый грабеж». Кроме того, христианский апологет пытается убедить императора следующими аргументами, которые, как ему кажется, должны были подействовать на этого царственного любомудра: «Наша философия окрепла и утвердилась сначала у варваров; расцвет же ее у твоего народа приходится на великое царствование Августа, твоего предка. Она принесла счастье твоей империи: с тех пор росли и мощь, и слава Рима. Ты желанный наследник их и пребудешь им вместе с сыном, храня философию, которая возросла вместе с империей и получила начало с царствованием Августа; предки твои чтили ее, как и прочие религии. А вот неоспоримое доказательство, что на благо счастливо начавшейся империи росло и крепло наше учение: начиная с царствования Августа на Рим не надвигалось никакой беды, наоборот, по молитвам всех все было прекрасно и славно. Только Нерон и Домициан, подстрекаемые какими-то злодеями, пожелали оклеветать нашу веру и с тех пор по бессмысленному обычаю доносить на нас льются потоки лжи. Твои благочестивые предки

⁷¹ См.: Barnes 1947. P. 314–315.

⁷² Евсевий. Церковная история 4, 26, 5 (Сергеенко 1993. С. 153).

старались исправить это невежественное представление: часто отправлялись письменные выговоры тем, кто осмеливался вводить какие-то новшества относительно христиан». Приведя примеры Антонина Пия и Адриана, св. Мелитон заканчивает так: «Ты разделяешь его (Адриана — А. С.) мысли по этому поводу; ты и более человеколюбив, и более предан философии — и мы верим, что ты сделаешь все, о чем мы просим». Последнее рассуждение христианского апологета содержит набросок «политологии», которая впоследствии вылилась в известное учение о симфонии Церкви и империи⁷³, но время для такого учения еще не пришло. По крайней мере, сам Марк Аврелий отнюдь не считал религию Христову достойной названия философии, столь почетного в его глазах, вследствие чего не препятствовал развязыванию новых преследований христиан. Насколько он сам был инициатором этих преследований⁷⁴, сказать трудно, но они явно не вызывали в нем никакого чувства отторжения.

Упомянутые в «Апологии» св. Мелитона эдикты не дошли до нас. А. А. Спасский предполагает, что Марком Аврелием был опубликован какой-то указ (*δόγμα*) общегосударственного значения, а на основании этого указа проконсул Азии сделал частное распоряжение (*διάταγμα*) применительно к христианству, развязав тем самым новые гонения. Сам же указ сохранился в «Дигестах» и гласит: «Божественный Марк приказал ссылать на острова всякого, кто через суеверные обычаи будет приводить в смятение слабые души людей» (один римский юрист понимает его достаточно широко: «Если кто вводит новые секты или религию, смущающие души людей, то виновные в этом из высшего сословия изгоняются, а низшие наказываются смертью»). Поэтому виновником

⁷³ См.: Сидоров 1996. С. 249.

⁷⁴ Ср. точку зрения А. П. Лебедева: «Марк должен был гнать христиан как государственный муж, верный государственным идеям своей империи. Быть может, ни один государь II и III века не был более исполнен языческой идеей о государстве и его правах в отношении к подданным, ни один не презирал более его права индивидуальной свободы совести, чем как это было у Марка Аврелия. В этом он был утверждён своим стоическим пантеизмом, который ценил целое и презирал частное, поглощаемое целым» (Лебедев 1994. С. 75–76). В данном суждении явно чувствуется либерал XIX века, с его повышенным осознанием прав «индивидуума».

гонений в малоазийских провинциях был не император, а проконсул: «и сам Мелитон ходатайствует пред императором только о возвращении азийских христиан к предшествующему положению, так как он ничего не знает о том, чтобы христиане других провинций или всей империи терпели какие-либо притеснения, подобно его соотечественникам»⁷⁵. Подобная гипотеза имеет право на существование, но следует учитывать тот факт, что, помимо Малой Азии, преследования христиан весьма чувствительно затронули и галльских христиан.

О гонениях их сообщает весьма пространное послание Лионской и Виеннской Церквей к малоазийским общинам, которое цитирует полностью Евсевий⁷⁶. В этом послании среди прочего говорится: «нас (христиан — А. С.) не только не пускали в дома, бани и на рынок, нам вообще было запрещено показываться где бы то ни было». Судя по всему, инициатива гонений шла как бы «снизу», поскольку говорится, что схваченные христиане сначала «мужественно выдерживали нападение черни, устремившейся скопом и толпами: на них кричали, их били, волокли, грабили, в них швыряли камнями, заключали в тюрьму, поступали, как озверевшая толпа любит поступать с врагами и неприятелями». Правда, и местные власти не остались в стороне: «По приказу трибуна и городских властей их (христиан — А. С.) вывели на площадь и допросили в присутствии всей толпы. Они исповедили свою веру и были заключены в тюрьму до приезда легата». Но и этот приезд отнюдь не облегчил участи узников: легат обошелся с ними так, как обычно обходился с христианами — «со всей жестокостью». Первыми жертвами пали старец-пресвитер Захария и юноша Эпаграф, пытавшийся протестовать против жестокого суда. Впрочем, отмечается, что среди схваченных «обнаружилось различие: одни были готовы к мученичеству и со всей охотой произносили исповедание веры. Оказались, однако, и не готовые, без опыта, еще слабые, не могущие выдержать этого напряженного состязания». Они отпали, и таких отпавших «было человек десять»: они «надломили мужественную решимость у тех, кто еще не был схвачен и кто, хотя и с великим страхом, но помогал

⁷⁵ Спасский 1908. С. 214–218.

⁷⁶ Евсевий. Церковная история 5, 1 (Сергеенко 1993. С. 157–167).

мученикам и не оставляя их». Подчеркивается характерный штрих: «из двух упомянутых Церквей забрали людей самых деятельных, на которых Церкви, по существу, и держались». Кроме того, авторы этих посланий указывают, что «захватили и некоторых наших рабов-язычников... Они испугавшись пыток, которые на их глазах терпели святые, и поддавшись уговорам воинов, обоглали нас и дали по козням сатанинским ложные показания: у нас Фиестовы пиры, Эдиповы связи и вообще такое, о чем нам не то что говорить, но и думать нельзя; нельзя и поверить, чтобы такое бывало когда-либо у людей. Когда эти слухи распространились, все озверели; даже те, кто раньше был к нам расположен в силу дружеских связей, в ярости на нас скрежетали зубами». Подробно описываются мучения диакона Санкта и юной христианки Бландины: при своей телесной слабости она «исполнилась такой силы, что палачи, которые сменяя друг друга, всячески ее мучили с утра до вечера, утомились и оставили ее». Называются и имена других мучеников: недавно крестившегося Матура, Аттала, «пергамца родом, всегда бывшего опорой и оплотом здешних христиан», и некоей Библиады, которая сначала отреклась от Христа, но затем, покаявшись, приняла мученическую кончину». Во время этого гонения мученическую кончину принял и Лионский епископ Пофин. Всего же пострадали и умерли сорок восемь мучеников⁷⁷. Примечательно, что гонения начала городская чернь: местные власти лишь поддержали ее и направили запрос Марку Аврелию. От императора пришел ответ опять же в духе Траяна: «Исповедников мучить; кто отречется, тех отпустить».

При последнем императоре, завершившем собою век Антонинов, Коммод (180–192 гг.), положение христиан значительно улучшилось⁷⁸. Евсевий так характеризует правление Коммода: «С возвращением Ком-

⁷⁷ Федченков 2008. С. 234.

⁷⁸ Как констатирует один современный историк, «парадоксальным явлением римской истории остается сын Марка Аврелия, император Коммод (правил 180–192 гг.), про которого верно писали, что “он был скорее гладиатором, чем императором”, потому что в отличие от своего “благородного” отца-философа Антонин Коммод занимался тем, что устраивал гладиаторские бои для собственного участия в них, глубоко запустив дела Империи. Марк Аврелий очень хотел оставить после себя достойного наследника и, разумеется, обращал свои “Размышления” не в последнюю очередь именно к нему,

мода пришло время для нас тихое, относиться к нам стали мягче, и Церковь, по милости Божией, жила в мире по всей вселенной. Спасительное учение начало приводить всякое звание к благочестивому служению Богу, Творцу всего; в Риме многие, известные богатством и родовитостью, вместе со всем домом и всей родней шли по пути спасения»⁷⁹. Но факты мученичества все же имелись. Так, например, в Риме пострадал высокообразованный христианин Аполлоний, принадлежащий к сенаторскому сословию, — он был обвинен своим рабом и предан на смерть (раба, кстати, тоже казнили, поскольку римские законы карали смертной казнью рабов, сделавших донос на своего господина). Сохранились «Мученические акты Аполлония», имеющие значение первоклассного источника; в них включена и «Апология» самого мученика, показывающая его твердость в исповедании веры Христовой и четкую ясность его мировоззренческой позиции⁸⁰. Можно еще добавить, что в Карфагене в 180 году были осуждены на смерть несколько «исхлиских мучеников» (от местечка Исхли в Нумидии). Но это были лишь единичные факты — серьезных гонений в правление Коммода не было.

Данный обзор гонений на христиан в I—II вв. показывает, что общезаконного, регулирующего отношения государства и Церкви в этот период, за исключением рескрипта Траяна не было. Инициатива преследований практически никогда (кроме специфического случая Нерона) не исходила от императоров. Главным врагом христианства и основным гонителем его являлись языческие массы, которые и побуждали государственных чиновников принимать меры против христиан. Поэтому большое значение имела позиция местных властей: от их личных склонностей и индивидуального нрава часто зависела судьба членов

но, узнав уже его образ жизни, он страшно страдал, и это было для него гораздо большим наказанием, чем смерть от чумы. Коммод был во всем не похож на отца: своим сумасбродством он воспроизводил худшие образцы римских правителей типа Калигулы или Нерона, но одним он отличался от отца в лучшую сторону: он практически не преследовал христиан. Объяснялось это не столько равнодушием к мировоззренческой политике, свойственной подобным натурам, сколько его любовной связью с христианкой Марцией, влияющей на него в пользу Церкви» (Малер 2011. С. 123).

⁷⁹ Евсевий. Церковная история 5, 21, 1 (Сергеенко 1993. С. 190).

⁸⁰ См. издание русского перевода «Актов» в кн.: Преображенский П., прот. 1999. С. 375—416.

Церкви. Например, по свидетельству Тертуллиана, некоторые проконсулы Африки нередко ограждали христиан от ярости черни, но были примеры и обратного свойства⁸¹. В целом же, гонения в век Антонинов не были повсеместными и систематическими, но лишь sporadически вспыхивали в различных областях империи. И эти тлеющие повсюду угли ненависти к христианам грозили большим пожаром, ибо христианство в глазах языческой части греко-римского мира, составляющей большинство населения, было «недозволенной религией».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аллар 1898 — *Аллар П.* Христианство и Римская империя от Нерона до Феодосия. СПб., 1898. [*Allar P.* Khristianstvo i Rimskaia imperiia ot Nerona do Feodosiia (Christianity and the Roman Empire from Nero to Theodosius). Saint Petersburg, 1898.]
- Болотов 1910 — *Болотов В. В.* Лекции по истории древней Церкви. СПб., 1910. Т. 2. [*Bolotov V. V.* Lektsii po istorii drevnei Tserkvi (Lectures on the history of the ancient Church). Saint Petersburg, 1910. Т. 2.]
- Болотов 2001 — *Болотов В. В.* Собрание церковно-исторических трудов. М., 2001. Т. 3. [*Bolotov V. V.* Sobranie tserkovno-istoricheskikh trudov (Collection of church-historical works). Moscow, 2001. Т. 3.]
- Буасье 1878 — *Буасье Г.* Римская религия от Августа до Антонинов. М., 1878. [*Buas'e G.* Rimskaia religiia ot Avgusta do Antoninov (Roman religion-from Augustus to the Antonines). Moscow, 1878.]
- Вегнер 1902 — *Вегнер В.* Рим. История и культура римского народа. СПб., 1902. [*Vegner V.* Rim. Istoriia i kul'tura rimskago naroda (Roman History and culture of the Roman people). Saint Petersburg, 1902.]
- Властелины Рима 2001 — *Властелины Рима.* Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана. СПб., 2001. [*Vlasteliny Rima.* Biografi rimskikh imperatorov ot Adriana do Diokletiana (Masters of Rome. Biographies of Roman emperors from Hadrian to Diocletian.). Saint Petersburg, 2001.]
- Котляревский 1914 — *Котляревский С.* Вступительный очерк // *Марк Аврелий.* Наедине с собой. Размышления / Пер. и примеч. С. М. Роговина со

⁸¹ См.: Болотов 1910. С. 104. Ср.: *Тертуллиан.* Апология 9 (Щеглов 1910. С. 105).

- вступит. очерком С. Котляревского. М., 1914. С. IX—LVI. [*Kotliarevskii S. Vstupitel'nyi ocherk (Introductory essay) // Mark Avrelii. Naedine s soboi. Razmyshleniia (Alone with yourself. Musings) / Per. i primеч. S. M. Rogovina so vstupid. ocherkom S. Kotliarevskogo. Moscow, 1914. P. IX—LVI.*]
- Лашкарев 1876 — *Лашкарев П.* Отношение Римского государства к религии вообще и к христианству в особенности до Константина Великого включительно. К., 1876. [*Lashkarev P. Otnoshenie Rimskogo gosudarstva k religii voobshche i k khristianstvu v osobennosti do Konstantina Velikago vkluchitel'no (The attitude of the Roman state towards religion in general and Christianity in particular, especially upto and including Constantine the Great). Kiev, 1876.*]
- Лебедев 1994 — *Лебедев А. П.* Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом. М., 1994. [*Lebedev A. P. Epokha gonenii na khristian i utverzhenie khristianstva v greko-rimskom mire pri Konstantine Velikom (The era of persecution of Christians and adoption of Christianity in the Greco-Roman world under Constantine the Great). Moscow, 1994.*]
- Малер 2011 — *Малер А.* Константин Великий. М., 2011. [*Maler A. Konstantin Velikii (Constantine The Great). Moscow, 2011.*]
- Мелиоранский 1910 — *Мелиоранский Б. М.* Из лекций по истории и вероучению древней христианской Церкви (I—VIII в.). Вып. 1. СПб., 1910. [*Melioranskii B. M. Iz leksiï po istorii i veroucheniiu drevnei khristianskoi Tserkvi (I—VIII v.). Выр. 1 (From lectures on the history and doctrine of the ancient Christian Church (I—VIII cent.). Vol. 1.). Saint Petersburg, 1910.*]
- Павлович 1894а — *Павлович А. Л.* Нероново гонение на христиан и политика императоров Флавиева дома по отношению к ним // ХЧ. 1894. № 2. С. 209—239. [*Pavlovich A. L. Neronovo gonenie na khristian i politika imperatorov Flavieva doma po otnosheniiu k nim (Nero's persecution of Christians and the politics of emperors of the house of Flavii regarding them) // Khristianskoe Chtenie (Christian Reading). 1894. № 2. P. 209—239.*]
- Павлович 1894б — *Павлович А. Л.* Гонения на христиан в Римской империи в первые два века (до 170 г.) // ХЧ. 1894. № 3. С. 385—418. [*Pavlovich A. L. Gonenii na khristian v Rimskoi imperii v pervye dva veka (do 170 g.) (Persecution of Christians in the Roman Empire in the first two centuries (up to 170)) // Khristianskoe Chtenie (Christian reading). 1894. № 3. P. 385—418.*]
- Павлович 1894с — *Павлович А. Л.* Христианская Церковь в Римской империи в первые два века (до 170 г.) // ХЧ. 1894. № 1. С. 3—39. [*Pav-*

- lovich A. L. Khristianskaia Tserkov' v Rimskoi imperii v pervye dva veka (do 170 g.) (Persecution of Christians in the Roman Empire in the first two centuries (up to 170)) // Khristianskoe Chtenie (Christian Reading). 1894. № 1. P. 3–39.]*
- Сергеенко 1982 – *Сергеенко М. Е. О Плинии Младшем // Письма Плиния Младшего. Книги 1–10 / Изд. подг. М. Е. Сергеенко, А. И. Доватур. М., 1982. С. 274–282. [Sergeenko M. E. O Plinii Mladshem (On Pliny the Younger) // Pis'ma Pliniia Mladshhego. Knigi 1–10 (Letters of Pliny the Younger. Books 1–10) / Izd. podg. M. E. Sergeenko, A. I. Dovatur. Moscow, 1982. P. 274–282.]*
- Сидоров 1996 – *Сидоров А. И. Курс патрологии. М., 1996. [Sidorov A. I. Kurs patrologii (Course in patrology). Moscow, 1996.]*
- Спасский 1908 – *Спасский А. А. Лекции по церковной истории, читанные в первом полугодии 1907–8 г. Сергиев Посад, 1908 (литография). [Spasskii A. A. Lektsii po tserkovnoi istorii, chitannye v pervom polugodii 1907–8 g. (Lectures on the history of the church, read in the first half of 1907–8) Sergiev Posad, 1908 (litografia).]*
- Тронский 1972 – *Тронский И. М. Chrestianoii (Tacit. Ann. 15, 44, 2) i Chrestus (Sueton. Div. Claud. 24, 4) // Античность и современность (К 80-летию Ф. А. Петровского). М., 1972. С. 34–43. [Tronskii I. M. Chrestianoii i Chrestus (Chrestianoii and Chrestus) // Antichnost' i sovremennost' (K 80-letiiu F. A. Petrovskogo) (Antiquity and modernity (for the 80th anniversary of the F. A. Petrovsky)). Moscow, 1972. P. 34–43.]*
- Федорова 1979 – *Федорова Е. В. Императорский Рим в лицах. М., 1979. [Fedorova E. V. Imperatorskii Rim v litsakh (Figures of Imperial Rome). Moscow, 1979.]*
- Федченков 2008 – *Федченков С. А. Святой Ириней Лионский. Его жизнь и литературная деятельность. СПб., 2008. [Fedchenkov S. A. Sviatoi Irinei Lionskii. Ego zhizn' i literaturnaia deiatel'nost' (Saint Irenaeus of Lyons. His life and literary career). Saint Petersburg, 2008.]*
- Чельцов 1861 – *Чельцов И. История христианской Церкви. СПб., 1861. Т. 1. [Chel'tsov I. Istoriia khristianskoi Tserkvi (History of the Christian Church). Saint Petersburg, 1861. T. 1.]*
- Barnes 1947 – *Barnes E. W. The rise of Christianity. L., 1947.*
- Barnes 1984 – *Barnes T. D. Early Christianity and the Roman Empire. L., 1984.*
- Baus 1973 – *Baus K. Handbuch der Kirchengeschichte. Freiburg, 1975. Bd. 1.*

- Frend 1965 — *Frend W. H. C. Martyrdom and persecution in the early Church. A Study of a Conflict from Maccabees to Donatus. Oxford, 1965.*
- Frend 1984 — *Frend W. H. C. The rise of Christianity. Philadelphia, 1984.*
- Lebreton, Zeiller 1934 — *Histoire de l'Église depuis les origins jusqu'à nos jours. T. 1. L'Église primitive / Éd. J. Lebreton, J. Zeiller. P., 1934.*
- Simon 1972 — *Simon M. La civilization de l'antiquité et le christianisme. P., 1972.*
- Wlosok 1970 — *Wlosok A. Rom und die Christen. Zur Auseinandersetzung zwischen Christentum und römischem Staat. Stuttgart, 1970.*

ИСТОЧНИКИ И ПЕРЕВОДЫ

- Бобович, Боровский, Сергеенко 1970 — *Корнелий Тацит. Сочинения / Изд. подг. А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеенко. Л., 1970. Т. 1. [Kornelii Tatsit. Sochineniia (Works) / Izd. podg. A. S. Bobovich, Ia. M. Borovskii, M. E. Sergeenko. Leningrad, 1970. T. 1.]*
- Гаспаров 1964 — *Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М. Л. Гаспаров. М., 1964. [Gai Svetonii Trankvill. Zhizn' dvenadtsati tsezarei (Lives of the twelve caesars) / Per. M. L. Gasparov. Moscow, 1964.]*
- Донченко 1999 — *Сулпиций Север. Сочинения / Пер. А. И. Донченко. М., 1999. [Sul' pitsii Sever. Sochineniia (Works) / Per. A. I. Donchenko. Moscow, 1999.]*
- Преображенский П., прот. 1995 — *Иустин Философ и Мученик. Творения / Пер. прот. П. Преображенского. М., 1995. [Iustin Filosof i Muchenik. Tvoeniia (Works) / Per. prot. P. Preobrazhenskogo. Moscow, 1995.]*
- Преображенский П., прот. 1999 — *Акты и апология св. Аполлония // Сочинения древних христианских апологетов / Пер. прот. П. Преображенского. СПб., 1999. С. 375–416. [Akty i apologiia sv. Apolloniia (Act and Apology of St. Apollinarius) // Sochineniia drevnikh khristianskikh apologetov (Works of the ancient Christian apologists) / Per. prot. P. Preobrazhenskogo. Saint Petersburg, 1999. P. 375–416.]*
- Римские историки 1997 — *Римские историки IV века. М., 1997. [Rimskie istoriki IV veka (Roman historians of the IV century). Moscow, 1997.]*
- Роговин 1914 — *Марк Аврелий. Наедине с собой. Размышления / Пер. С. Роговин. М., 1994. [Mark Avrelii. Naedine s soboi. Razmyshleniia (Alone with yourself. Musings) / Per. S. Rogovin. Moscow, 1914.]*
- Сергеенко 1993 — *Евсевий Памфил. Церковная история / Пер. М. Е. Сергеенко. М., 1993. [Evseviu Pamfil. Tserkovnaia istoriia (Church history) / Per. M. E. Sergeenko. Moscow, 1993.]*

- Тюленев 1998 — *Лактанций*. О смертях преследователей (De mortibus persecutorum) / Пер. В. М. Тюленев. СПб., 1998. [*Laktantsii. O smertiakh presledovatelei* (On the deaths of persecutors) / Per. V. M. Tiulenev. Saint Petersburg, 1998.]
- Щеглов 1910 — *Тертуллиан*. Творения. Ч. 1: Апологетические творения Тертуллиана / Пер. Н. Щеглов. К., 1910. [*Tertullian. Tvoreniia. Chast' 1: Apologeticheskie tvoreniia Tertuliana* (Works. Part 1: Apologetic work of Tertulian) / Per. N. Shcheglov. Kiev, 1910.]

Abstract

Sidorov A. I. The beginning of the early Church. Part III. Causes and the history of persecution of Christians in the I—II century

This publication is a continuation of the essay on the history of the formation of the early Christian Church, based on first-hand evidence, involving a wide range of views of domestic and foreign research on the history of the early Church. Among the reasons for the persecution of the Christians, the author sees a socio-political, rather than religious stance of the Roman state of the I—II centuries, which was the result of a religiously mundane pragmatism of a pagan society, logged in a principle incompatibility with Christianity as a religion of the spirit. Based on the evidence of the Roman historians Tacitus, Eutropius, Suetonius, Severus Sulpicius, Hege-sippus, Lactantius, Dio Cassius, and on the letters of Pliny the Younger to Trajan, and the ecclesiastical writers Tertullian, Eusebius of Caesarea, St. Apologist Melito of Sardis, the article describes the persecution that took place under the emperors Nero, Domitian, Trajan, Hadrian, Antoninus Pius, Marcus Aurelius and Commodus. The author comes to the conclusion that, with the exception of the rescript of Trajan, the Roman Empire in the I—II centuries had no general law that would regulate the relationship of State and Church, and that the initiative for persecution came primarily not from the emperors, but from the pagan masses, who encouraged government officials to take measures against the Christians.

Keywords: the persecution of Christians, the Roman Empire, the historical evidence of the ancient Christians, the holy martyrs, apologists.